

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 31, Is. 3, pp. 55–75, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-31-3-55-75
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39

Some Aspects of Livestock Breeding Traditions and Ethnic Entrepreneurship in Kalmykia

*Elza P. Bakaeva*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Deputy Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Abstract. The article examines some issues connected with livestock breeding traditions and present-day ethnic entrepreneurship in Kalmykia. It analyzes ethnic entrepreneurial experiences of Kalmyk expatriates in European countries during the 1920-1930s in relation to the traditional handicrafts typical for Kalmyk nomads. The paper also discusses ethnic entrepreneurial activities of the migrants who have been engaged in camel breeding practices (already lost by the natives) in the territory of Kalmykia in the 21st century. The fact that the resettled individuals were representatives of the same ethnic group and interest displayed by the host society erased any would-be boundaries between the migrants and the surrounding population, since many Kalmyks visited the newly arrived ones inquiring about common paternal origins and background (Kalm. *yasun* – ‘bone’). Most important for the host community were the camel breeding practices and experiences they could obtain from the migrants, while the newly arrived Oirats of Mongolia were basically interested in decent wages, conversance with the *akin* culture of the Kalmyks, and Russian language learning opportunities for the children. The traditional occupations of the Kalmyks determined the priority trends in their ethnic entrepreneurship in the first third of the 20th century; nowadays the republic requires specialists with corresponding nomadic experiences lost during the Soviet era. But currently the qualified-manpower requirements and the vacant niche are not well enough to guarantee sufficient conditions within the receiving community.

Keywords: livestock breeding, handicrafts, traditions, sustenance, compatriots, migrants, receiving community, conflict.

Исследование опыта социально-экономической адаптации населения Юга России в аспекте изучения феномена этнического предпринимательства — тема актуальная для ученых, разрабатывающих вопросы жизненных стратегий населения в условиях трансформирующегося общества. Речь идет прежде всего о миграциях, которые являются извечными причинами перемен как социально-экономического, так и демографического характеров. Однако в небольшом количестве работ, посвященных миграциям и миграционной политике на территории Республики Калмыкия [Авшеев 2012; Бадмаева 2011; 2012; Белоусов 2008а; 2008б; Гунаев 2013; Деев 2010; Намруева 2013; 2015; 2016; и др.], как правило, они не освещались с позиций изучения этнического предпринимательства.

Несмотря на имеющее в историографии мнение о том, что предпринимательство не связано с этничностью, что «в изучаемой мигрантской среде этническая солидарность отсутствует или имеет минимальное значение» и «достаточно снять с исследователя „этнические очки“ и станет ясно, что подавляющее большинство изучаемых нами процессов вполне могут быть объяснены без привлечения категории этничности» [Воронков 2009], все же большинство ученых считают, что вопросы изучения этноэкономики и этнического предпринимательства актуальны в аспекте формирования стратегии развития региональной экономики и становления механизмов ее воспроизводства. Стремление же отдельных авторов уйти от анализа этнического в экономике («любое акцентирование внимания на этничности ведет к усилению напряжения в обществе» [Воронков 2009]) оказывается уходом от проблемы. Права Л. М. Атаева, которая отмечает, что «в целях модернизации экономики необходимо использовать наряду с современными рыночными механизмами исторически сложившиеся специфические для различных этносов хозяйственные уклады. Традиционная этноэкономика оказалась укладом, способным воспринимать инновации, что очень важно для модернизации российской экономики» [Атаева 2012: 52].

В работах российских ученых вопросы этнического предпринимательства в большей степени разрабатываются в общетеоретическом плане [Бредникова, Паченков 2000; Дятлов, Григоричев 2014; Рыжова

2008; Садовой, Белозерова 2016; Санглибаев 2008; Мищук 2014; Ефремов 2011; Эльдяева, Джамбинова, Мучкаев 2011; и др.] и в связи с исследованиями общин мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья [Дятлов 2014; Нестерова 2014; Самарина 2014; Мищук 2014; и мн. др.], что актуально как для мегаполисов, где сформировались группы переселенцев из СНГ, так и для приграничных регионов (в частности на востоке страны, где активно ведется торговля с КНР и сформировались довольно многочисленные китайские группы).

Этническое предпринимательство на материалах Калмыкии и калмыков практически остается неисследованным, как и стратегии выживания и условия жизни внутренних мигрантов (основное внимание при изучении в целом российской ситуации уделяется внешним мигрантам). Исключение оставляет статья В. В. Барановой, в которой автор на основе полевых материалов (наблюдений и интервью, посвященных опыту работы за пределами Республики Калмыкия) анализирует ситуацию с мигрантами из Калмыкии в Москве. Но в работе В. В. Барановой рассматриваются вопросы этнографии миграции, прежде всего основные характеристики временной трудовой миграции калмыков в Москву, выявляются сходство и отличия повседневных практик внешних и внутренних мигрантов и значение опыта работы за пределами республики для респондентов из сел Калмыкии. Хотя в статье сделан вывод о том, что «как и в случае с внешними мигрантами, происходит образование инфраструктуры вокруг диаспоры: какое-то количество лиц, ориентированных на обслуживание группы (приготовление традиционной пищи, продажа баранины, риэлторские услуги, передача посылок и развоз)» [Баранова 2016: 94], собственно этническое предпринимательство не являлось предметом исследования.

Феномен этнического предпринимательства рассматривается в работах ученых различно. Одни исследователи считают, что этнические предприниматели прежде всего занимают пустующие рыночные ниши, другие — что этнический характер экономики проявляется в характере занятости мигрантов в принимающем обществе и их решении вопросов обеспечения себя средствами к существованию. Н. П. Рыжова отмечала, что «во многих российских исследованиях во-

прос о выборе/не-выборе этнического бизнеса в сравнении с не-этническим не стоит, а изначально приписывается мигрантам, а наличие/отсутствие дискриминационных практик принимающего сообщества не обсуждается. В ряде работ доказывается, что в случае появления „этнических мигрантов“, в „ущемленном“ положении оказывается принимающее большинство» [Рыжова 2008].

Рассмотрим скотоводческие традиционные занятия калмыков в аспекте возможных занятий мигрантов этническим предпринимательством. В статье к анализу привлекаются хронологически разные материалы, которые показывают возможности этнической экономики, а также иллюстрируют современные проблемы мигрантов. Первый сюжет связан с пребыванием калмыков в эмиграции в 1920–1930-х гг.; второй — с опытом привлечения в Калмыкию мигрантов для ведения скотоводческого хозяйства в 2010-х гг. Калмыки, пришедшие в степи Поволжья из Центральной Азии, расселились в регионе Северо-Западного Прикаспия более чем четыре века назад (до этого события основное население здесь сменялось достаточно регулярно). Столь разновременные материалы вполне сопоставимы, так как скотоводство было и остается основным типом хозяйства, определенным территорией: географическое положение и климатические условия всегда определяли приоритетность хозяйственных занятий населения степей и полупустынь¹. При этом традиционные скотоводческие практики, несмотря на исторические перемены, в том

¹ Так, археолог Н. И. Шишлина, освещая особенности и сходство в формах ведения скотоводческого хозяйства, отдельных элементах материальной, духовной и социальной культуры у жителей, занимающих в разное время одинаковую экологическую нишу, отмечает: «Несмотря на многолетние попытки навязать земледелие местным жителям, основным занятием в Прикаспийских степях сегодня остается скотоводство. Степные, полупустынные пространства в течение многих тысячелетий были идеальной нишей для развития традиционного пастушества», — и это позволяет исследователю считать «данные этнографии калмыков — последних классических кочевников Нового времени, казахов и других кочевых народов <...> важным источником при реконструкции характера формирования и развития номадизма как особой формы социальной и экологической адаптации носителей культур эпохи бронзы и раннего железного века» [Шишлина 2009].

числе переход от кочевого к оседлому скотоводству, а также длительность существования этой формы хозяйства в определенной экологической нише, по мнению ученых, остаются в целом сходными, что даже позволяет привлекать этнографические данные при историко-археологических, экономических и социальных реконструкциях [Шишлина 2009]. Многовековой опыт скотоводства у калмыков и их этнических предков — ойратов (западных монголов) обусловил специфику их традиционных занятий, которые, возможно, могли бы стать основой этнического предпринимательства — при этом важно, каковы условия принимающего общества (в том числе географические, климатические условия и социально-экономические условия).

Российские ученые обращали внимание на примеры этнического предпринимательства на материалах конца XIX – начала XX в. К примеру, И. И. Кротт, анализируя социокультурные условия и мотивацию предпринимательской активности немецких мигрантов в сибирском социуме в этот период, приходит к выводу о том, что открытость для новаций и меньшая скованность поведенческими нормами позволяла переселенцам более активно внедрять новации и быть более свободными в выборе наступательных стратегий: «Сохраняющаяся же относительная обособленность немецких колоний, с одной стороны, рождала спрос на традиционные для данного этноса товары, а с другой — формировала сети деловой поддержки: капиталом и информацией, рабочими руками и заказами» [Кротт 2010: 113].

Такие «свободные» в поведенческом и культурном отношении переселенцы были в 1920-х гг. в среде эмигрантов из России, в том числе калмыков. В годы Великой российской революции Калмыкия была охвачена пламенем Гражданской войны. В это время в эмиграции оказалось немало калмыков, которые либо воевали на стороне «белых», либо являлись членами семей тех, кто был вынужден бежать после перелома в гражданском противостоянии. Представители русской эмиграции², как известно, оказались в сложнейших жизненных усло-

² По данным Лиги наций всего Россию оставили 1 160 тыс. беженцев, четвертая часть из которых принадлежала Белым армиям [цит. по: Гучинова 2004: 30].

виях³. По данным, приводимым Л. К. Шкаренковым, в 1925 г. в 27 странах Европы и Азии нуждались в помощи около 500 тыс. эмигрантов [Шкаренков 1986: 103]. С Русской армией П. Врангеля в эмиграцию попали 3 тыс. калмыков [Очиров 2006: 363]. Как и другие беженцы, калмыки по прибытию к Турции были направлены в военные лагеря: Чилинбир, Кабаджу, на о. Лемнос [Борисенко, Горяев 1998; Гучинова 2004: 31]⁴. В июне 1921 г. началась переброска казачьих частей и беженцев⁵ в Болгарию, Югославию, а также небольших групп в Константинополь и материковую Грецию [Решетников 2009: 39]. Беженцы, в том числе и калмыки, вместе с другими россиянами попавшие в вынужденную эмиграцию, мечтали поселиться в славянских странах.

В период пребывания в первых местах расселения мигранты приспосабливались выживать, огромные массы людей организовывались в целях жизнеобеспечения, в лагерях создавались сапожные, пошивочные, слесарные, каменотесные мастерские,

³ Особенно тяжелым был начальный период [Шкаренков 1986: 95], к примеру, Л. Решетников приводит сведения о причинах высокой смертности на острове Лемнос [Решетников 2009: 15–18, 30 и др.].

⁴ Калмыки-военнослужащие 80-го Зюнгарского полка, дойдя до Крыма и с потерями погрузившись на пароходы, попали на о. Лемнос [Очиров 2006: 361], где среди беженцев всего было 25 тыс. человек военнослужащих и 3,5 тыс. гражданских лиц [Решетников 2009: 29]. В числе прибывших на о. Лемнос в декабре 1920 г. с подразделениями Зюнгарского калмыцкого полка также были гражданские беженцы [Решетников 2009: 28]. Другая национальная часть калмыков — 3-й Калмыцкий полк — во время похода к Адлеру была разделен, и впоследствии этот полк не был восстановлен. 2-й Астраханский калмыцкий полк был после эвакуации из Крыма расформирован [Очиров 2006: 361–362].

⁵ К этому времени вернулись на родину, в советскую Россию 8 582 человек (из них 1 460 гражданских лиц); 1 029 военнослужащих отправлены в Бразилию, во французский Иностранский легион нанялись около 1 000 чел. На о. Лемнос оставались свыше 16 тыс. человек, среди них и калмыки, часть которых вместе с другими беженцами уже вернулась в Россию [Решетников 2009: 31]. Отметим, что репатриация калмыков продолжилась в последующие годы и происходила на фоне активных дискуссий между беженцами [Топалова 2016: 61].

а также открывались церкви⁶, самодеятельные театры, проводились выставки и футбольные соревнования, выпускались газеты [Решетников 2009: 32].

Самая большая группа калмыков-эмигрантов сформировалась в Сербии, которая к моменту появления первых калмыков в 1920 г. входила в Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Королевство Югославия). Белград являлся одним из признанных центров русской эмиграции, здесь сложилась колония калмыков, которая, по данным исследователей, была организована «в порядке дружественной помощи правительства Югославии», вдохновившего их «на организацию общественного совета, который представлял бы их потребности по вопросам здоровья, образования и религиозных нужд правительству» [Гучинова⁷ 2004: 34]. Сведения о жизни калмыков в Сербии на основе архивных материалов подробно описаны Т. Миленковичем, который уточняет, что калмыцкая колония «определенно была организована в Белграде и избрана ее администрация» только в апреле 1928 г.⁸ [Миленкович 1995: 144]. По свидетельству Э. Хара-Давана, в Сербии было две организации калмыков: Калмыцкая колония и Калмыцкая Платовская станица, но при организации и строительстве калмыцкого буддийского храма, ставшего известным во всей Европе, они объединили свои усилия. В целом адаптация в Сербии была относительно более осуществимой (в сравнении с другими странами), чему способствовали возможность усвоения сербского языка (относящегося с русским языком к одной группе), политика сербского правительства, наличие организованной колонии, а также возможность в городских условиях применять навыки, характерные для традиционных занятий калмыков.

Скотоводство, являвшееся основной отраслью хозяйства калмыков на протяжении многих веков, наложило отпечаток на занятия калмыков-мигрантов в Сербии, хотя

⁶ Так, на о. Лемнос церкви были созданы в каждом полку (в палатках и бараках), хотя греческие власти выделили в г. Мудрос для русских единоверцев церковь Святых Архангелов [Решетников 2009: 32].

⁷ Э.-Б. М. Гучинова ссылается в этом месте на работу: Adelman F. Kalmyk Cultural Renewal. Dissertation in Anthropology. University of Pennsylvania. 1960. P. 117

⁸ Русские эмигранты организовали свою колонию в Белграде еще в 1920 г.

после переселения мигранты занимались работой, на которую их направили власти — на постройку шоссе в Сеньском руднике⁹, а затем подавляющая часть переселилась в Белград, а отдельные семьи поселились в Банате и Парачине [Хара-Даван 2012: 168]. Т. Миленкович отмечает, что калмыки не имели какой-либо необходимой квалификации и были в основной массе неграмотными [Миленкович 1998: 31]. Как выяснил ученый на основе анализа архивных материалов, в Белграде калмыки работали на кирпичном заводе, где копали глину или занимались производством кирпичей и их транспортировкой, нанимались на стройку, где рыли котлованы — в обоих случаях это была сезонная работа, когда начинали работу весной и заканчивали осенью. Отметим, что уже в выборе этих занятий проявлялась стратегии адаптации: калмыки использовали навыки, известные в течение длительного периода каждому скотоводу — рытье котлованов, копка глины могут быть сопоставлены с практиками копания колодцев худуков в засушливой степи (без которых немислимы обеспечение скота водопоем и опыт обнаружения пригодных мест и технология сооружения которых передавались из поколения в поколение). Но калмыки были вынуждены также выполнять работу носильщиков и рабочих на погрузке и разгрузке кораблей на пристани, а если была возможность, то выполняли и другую простейшую работу [Миленкович 1998: 31].

Свидетельство Т. Миленковича об отсутствии у сербских калмыков квалификации и их неграмотности подтверждает, что их подавляющее большинство на родине занималось традиционными для калмыков занятиями, коим являлось скотоводство. Более того, в первые годы пребывания в Сербии многие калмыки, не имея возможности найти себе жилье, проживали в изготовленных ими традиционных жилищах — кибитках (называемых Т. Миленковичем «юрты»), покрытых кожей или непромокаемым полотном, «прессованной шерстью» [Миленкович 1998: 29]. Сербский историк называет этот факт «проявлением ностальгии по жизни в степях» [Миленкович 1998: 29]. «Традици-

онные калмыцкие юрты представляли собой доказательство их несостоятельности, а также говорили об их тоске по покинутой ими родине, о жизни в широких степях. Неясно только, находили ли они здесь «стройматериалы» для своих юрт (шкуры) или привезли их с собой» [Миленкович 1997: 11]. В аспекте изучения стратегий адаптации изготовление деревянного остова и особенно покрытия (даже войлочного) кочевого жилища свидетельствует о сохранении этнических черт культуры и хозяйства мигрантов в принимающем обществе.

Соответственно, как пишет Т. Миленкович, «все желания калмыка после прибытия в Белград сводились к одному — купить коня. Терпеливо они выполняли самую тяжелую работу, копали землю, обрабатывали камни и таскали тележки с ними, копили динар за динаром. Целью была покупка коня. Во всех семьях говорилось, что калмык без коня — не настоящий калмык» [Миленкович 1998: 31]. Поэтому, работая на сезонных работах, калмыки постепенно копили деньги на приобретение коня, а набрав необходимую сумму, вместе с конем сразу приобретали двуколку, которая использовалась для облегчения труда по перевозке земли на строительные объекты и на кирпичный завод. Как отмечает сербский исследователь, покупка коня с повозкой-двуколкой¹⁰ означала переход калмыков в средний слой [Миленкович 1998: 31]. Следующая степень в социальном статусе связывалась с покупкой второго коня и телеги, приобретшие их калмыки могли заниматься перевозками по городу дров и угля, а также оказывать транспортные услуги по перевозке грузов горожанам. Приобретение телеги и двух коней-тяжеловозов означало, что их хозяева могли теперь заниматься ломовым извозом в любое время года и не зависеть от сезонных работ. Наконец, верхом благосостояния калмыка считалось приобретение двух хороших коней и экипажа (фиакра), после чего они начинали заниматься перевозкой пассажиров [Миленкович 1998: 31].

«Хотя калмыки были большими любителями коней, они не были консервативными и не подчинялись традиции», а воспринимали то, что могло принести пользу, например, становились шоферами: «некоторые калмыки быстро поняли, в этом есть буду-

⁹ По поводу строительства этого шоссе Т. Миленкович пишет «некая дорога» (серб. неки пут), и отмечает, что не ясно, о каком шоссе к Сеньскому руднику шла речь [Миленкович 1998: 37].

¹⁰ Как отмечает Т. Миленкович, такая двухколесная повозка вмещала два кубометра земли и служила и транспортом, и мерной единицей [Миленкович 1998: 31].

щее и прибыль, и без большой sentimentalности они бросили своих четвероногих любимцев и переключились на четырехколесные транспортные средства с гораздо большей мощностью» [Миленкович 1998: 32]. Но конъюнктура занятий с автомобилями в Сербии и интерес калмыков к этому типу деятельности не привели к тому, что значительно увеличилось число водителей. Новое для них дело они освоили уже в Сербии, но новация, тем не менее, была связана с прежними занятиями извозом. Особое отношение к этому виду занятий, несомненно, связано было со скотоводческими практиками калмыков и особой привязанностью к коню — неизменному спутнику скотовода. Э.-Б. М. Гучинова приводит слова сербского ученого, основанные на свидетельстве очевидца: «... надо было видеть, с какой нежностью калмыки обходятся со своими лошадьми, как они их холят и лелеют. Общество по защите животных не имело к ним никаких претензий в отличие от других белградских извозчиков. Иногда калмыки заводили лошадей не только для работы, но и как личный транспорт. Наконец около двадцати калмыков нашли работу при королевском дворе в качестве конюхов и извозчиков; в конюшнях ипподрома всегда были заняты несколько калмыков. Невысокий рост и легкость были естественной предпосылкой, чтобы стать жокеем, как например Туле Эрднеев. Другая часть калмыков занималась продажей коней» [Гучинова 2004: 38].

Известный калмыцкий политический и общественный деятель, писатель Э. Хара-Даван, проживший в Белграде с 1929 по 1941¹¹ г., в целом оценивал результаты адаптации калмыков в Югославии как положительные: к 1930 году отдельные калмыки имели собственные дома и «почти все <...> подводы — от 1 до 5 пар коней», а один калмык даже владел двумя грузовыми автомобилями¹² [Хара-Даван 2012: 169]. Наличие в хозяйстве при экономической возможности нескольких пар лошадей определено хозяйственными скотоводческими практиками. Известно, что лошади и верблюды могут нести на себе около 30 %

своего веса. Поскольку средний вес лошади — 400 кг, а верблюда — 500 кг, то «грузоподъемность» (вес, перевозимый на спине) первой — примерно около 130 кг, второго — около 170 кг. Конечно, верблюд — более выносливое животное, использовавшееся скотоводами как вьючное: он может пройти в день по 30–40 км с 250–300 кг груза. Тягловая сила лошади составляет до 15 % от ее веса (т. е. примерно 60 кг) при условии работы до 10 часов в день. В условиях европейской действительности привычные для использования в качестве вьючного животного и как тягловая сила верблюды у калмыков были заменены на лошадей, которые традиционно ими использовались как транспортное животное. Потому и в условиях вынужденного использования лошадей как тягловых животных престижное потребление выражалось в приобретении наиболее успешными мигрантами коней в качестве личного транспорта — они же могли использоваться и как упряжные животные для фиакров. Наличие нескольких пар коней в хозяйстве, несомненно, также определялось скотоводческими практиками, о которых Т. Миленкович пишет как о бережном и нежном отношении к лошадям («холят и лелеют»): при использовании тягловой силы лошади они нуждались в отдыхе, потому для сменной работы использовали другую пару лошадей (в этом, вероятно, и есть причина, почему к калмыкам не было претензий по сравнению с другими извозчиками), ученый упоминает также, что если в семье имелось до пяти пар лошадей, то их использовали для разных видов работ [Миленкович 1998а: 2].

Таким образом, вне традиционной сферы занятий мужчины-калмыки, занимаясь черной работой, стремились к видам работы, связанным с кочевым хозяйством и прежде всего с занятиями, связанными с лошадьми. Свидетельство очевидца, прожившего в Югославии более двадцати лет — Э. Хара-Давана — подтверждает, что почти все мужчины-калмыки, имея подводы-двуколки, телеги и лошадей, занимались работами, которые были близки их хозяйству в прошлом, и главное, — практически каждая семья в Белграде имела коня/коней (примечательно сообщение о количестве коней — до 5 пар), т. е. статусное животное скотовода. Т. Миленкович со ссылкой на Э. Хара-Давана сообщает о группе кал-

¹¹ Дата ухода из жизни Э. Хара-Давана указывается в разных источниках как 1942 и 1941 гг.

¹² По сообщению Т. Миленковича: «Один из калмыков стал серьезным предпринимателем, и вместо лошадей у него были две грузовые машины, с помощью которых он солидно зарабатывал» [Миленкович 1998а: 2]

мыков из Астраханской области¹³, которые работали в 1925 г. в Парачине на суконной фабрике [Миленкович 1998: 37], но к 1930 г. фабрика была охвачена кризисом, и эта группа оказалась также в критическом положении — в отличие от тех калмыков, которые занимались извозом.

Т. Миленкович приводит сведения о жизни и работе калмыков в других сербских городах. Так, в конце 1920-х гг. группа калмыков работала на неквалифицированной работе на строительстве большого моста через Дунай между Белградом и г. Панчево в Воеводине, а Н. Игнатов работал машинистом на строительстве Савского моста, С. Ахремов — шофером, Х. Амарханов — электротехником, Б. Аников — шеф-поваром [Миленкович 1998: 35–36]. Небольшая группа донских калмыков была расселена с 1920 г. в г. Кралева среди русских эмигрантов, но о ее существовании сохранились сведения только на основании архивного дела, в котором сообщается о вкладе в строительство калмыцкого дома; Б. Сангилов окончил Донской кадетский корпус и переехал в г. Скопле, где обзавелся семьей и жил в отдалении от других калмыков [Миленкович 1998: 37]. Редким случаем были занятия У. Кульдинова, который являлся известным футболистом в клубе первой лиги «Югославия» [Миленкович 1998: 36]. Но все перечисленные отдельные примеры лишь подчеркивают, что основными занятиями мужчин-калмыков в наиболее крупной колонии, сложившейся в эмиграции, являлась работа, связанная с извозом, что предполагало занятия с лошадьми, которые имелись почти в каждой семье. Извоз явился работой, в которой оказались востребованы навыки скотоводов, нашедших занятия по душе и одновременно занявших особую экономическую нишу в условиях, когда Белград отстраивался в послевоенные годы [Хара-Даван 2012: 168].

Калмыки в Сербии также проживали в сельской местности, но архивные мате-

¹³ В Югославии большую часть составляли калмыки — уроженцы донских станиц. Э. Хара-Даван называет их не калмыками из Астраханской области, а астраханскими калмыками [Хара-Даван 2012: 168]. Известно, что калмыки, которые проживали близ города Астрахани, в большей степени по сравнению со степными калмыками подверглись к началу XX в. аккультурационным процессам.

риалы сохранили немного сведений о них. Большая часть их была расселена в Воеводине. Э. Хара-Даван кратко упоминает, что «в Банате живут несколько семейств, занимающихся сельскохозяйственными работами» [Хара-Даван 2012: 168]. Речь идет об одной из областей Воеводины, которая была создана еще в середине XIX в. как особое герцогство¹⁴. Большая часть калмыков в этой области была занята на сельскохозяйственных работах: земледельческих (сев, жатва, молотба, перевозка продуктов и т. п.) и скотоводческих (уход за скотом). Одна их часть находилась на постоянной, другая — на временных работах у хозяев; возраст поселившихся в сельской местности калмыков был от 50 до 70 лет (вероятно, пожилые люди желали жить в привычных сельских условиях), что осложняло поиск работы. К тому же работа была сезонной, а зимой только редкие калмыки были обеспечены работой по уходу за скотом и извозу с полей. Важно то, что проживавшие в сельской местности не имели своего крупного рогатого скота, а только разводили птицу [Миленкович 1998: 38] — это можно объяснить отсутствием финансовых возможностей. В целом в селах проживало немного калмыков, потому что деревня была разорена и еще не оправилась от последствий Первой мировой войны. Хотя сами калмыки утверждали, что они жили хорошо, известно, что сербская деревня переживала кризис, и многие ее жители буквально голодали [Миленкович 1998: 38]. Тем не менее, Э. Хара-Даван отмечал, что в Банате калмыки по сравнению с рабочими суконной фабрики в г. Парачине «живут лучше, так как летом всегда можно иметь работу, а зимою женщины зарабатывают рукоделием — шьют» [Хара-Даван 2012: 168] — и это сообщение свидетельствует о приоритетности у калмыков занятий сельским трудом перед трудом рабочего на фабрике.

Традиционные занятия калмыков особенно ярко отразились в трудоустройстве женской половины эмигрантов. Известно, что в скотоводческом хозяйстве женщина не только выполняла функции хозяйки дома, занимаясь воспитанием детей и обеспечением пищей, но и обеспечивала всю бытовую сторону жизни. Так, женщины теребили шерсть, изготавливали войлок, занимались изготовлением войлочных ков-

¹⁴ Название Воеводина на сербском языке означает 'герцогство'.

ров, вышивая их (простегивая различными узорами), выделкой шкур, изготовлением декоративных шнуров для отделки, вышивкой. Именно женщина обеспечивала всю семью одеждой, и шитье являлось непременным ее занятием; исследователи приводили немало примеров, свидетельствующих о том, что умение кроить и шить в прошлом являлось одной из важнейших характеристик для девушки на выданье. В Сербии, где правительство осуществляло госзаказы для армии, шитье обмундирования, а также других предметов, необходимых для военных, стало весьма выгодным делом. В этих условиях женщины-калмычки взяли на себя обеспечение семей, занимаясь шитьем по заказам. В период первого десятилетия в эмиграции были организованы различные курсы получения квалификации и переквалификации, в том числе курсы кройки и шитья. Для женщин-калмычек такие курсы позволяли повысить их умение. В первое время определенную помощь оказал русский комитет, который выделял беженцам швейные машинки. Прием готового платья от швей производила комиссия при магазине военной одежды, здесь же производили оплату труда и выдавали раскроенный материал для последующей работы [Миленкович 1998: 34–35]. Среди калмыков появились закройщики — те, кто изучили основы закройного дела в специальной школе. А в целом, по данным Управы г. Белграда, каждый 5–6-й калмык занимался шитьем [Миленкович 1998: 33]. Самым большим заказом являлся армейский, но шили также и одежду гражданскую: калмычки занимались изготовлением меховых и рабочих кожаных курток — именно такие материалы были наиболее привычными для калмыков-скотоводов в недавнем прошлом: «Некоторые калмычки изготавливали качественные кожаные куртки, а также и грубую спецодежду из кожи, а это дело, в котором разбираются все народы, занимающиеся скотоводством. Этому они обучились, наверно, у себя на родине» [Миленкович 1998а: 2]. И даже представители старшего поколения, больные и инвалиды, которых насчитывалось около 20 % от всего калмыцкого населения, также занимались шитьем, изготавливая тапочки из грубого толстого сукна и украшая их вышивкой, цветной кожей, бусинами и бисером [Миленкович 1998а: 2]. Шитье из грубого сукна, несомненно, однотипно с

изготовлением изделий из войлока, навыки работы с которым имелись у всех скотоводов. В конце XIX – начале XX в. калмычки носили обувь не только фабричную, но и традиционную, изготавливавшуюся в семьях: таковыми являлись кожаные буршмы и войлочные сапоги типа валенок с кожаной подошвой [Бакаева 2015]; эти навыки оказались востребованными в новых условиях. Т. Миленкович пишет, что тапочки были такими красивыми, удобными и недорогими, что жители Белграда покупали их у калмычков в большом количестве и посылали за пределы города. Одна часть населения занималась изготовлением домашней обуви постоянно, другие прибегали к этому занятию только тогда, когда не было армейского заказа [Миленкович 1998: 35]. «Калмычков, изготавливающих эти тапочки, можно также причислить к числу портных», кроме того, сами калмычки в теплое время и сами ходили «в своеобразных тапочках, которые сами же делали из грубого сукна» — писал Т. Миленкович [1998а: 2]. Тем не менее, сербский исследователь с удивлением сообщал о том, что среди калмыков-эмигрантов было много людей, занимавшихся портняжным делом: «Несколько удивляет факт, что следующая профессия, которой занимались калмычки — швейное дело» [Миленкович 1998а: 2].

Таким образом, в наибольшей по размерам колонии калмыков-эмигрантов — в Сербии — расселение эмигрантов в городских условиях было определено не их желанием, а необходимостью выживания, что было легче сделать в городе, чем в разоренных войной селах. Тяжелое положение в селе не позволяло калмыкам-эмигрантам реализовать свои навыки скотоводов в полной мере. В городских же условиях, тем не менее, занятая ими экономическая ниша полностью была определена навыками и практиками скотоводов.

В других странах, где оказались расселены калмычки-эмигранты, нишу, которую они занимали, определяла экономическая и социальная ситуация. Э.-Б. М. Гучинова, освещая жизнь эмигрантов, отмечает, что в связи с экономическим кризисом в Европе в конце 1920 – начале 1930-х гг. обсуждались не осуществившиеся проекты переселения калмычков в страны Латинской Америки или в Маньчжурию, причем речь шла о возможности заниматься там сельскохозяйствен-

ным трудом [Гучинова 2004: 56]. Навыки кочевников-скотоводов были мало востребованы в европейской действительности, но в отдельных случаях именно эти навыки позволяли эмигрантам найти работу и свою социальную нишу. Так, в Бельгии «работала группа калмыков под руководством Санджи Улюкова, показывала джигитовку в казачьих костюмах. Для этого им не требовалось специального обучения, обычные калмыцкие мальчики и мужчины показывали свои навыки, которые не выделяли их из родной среды. Многие калмыки на время отпуска присоединялись к их гастролям» [Гучинова 2004: 60].

Во Франции же, отмечает исследователь, «эмиграция превратила всех калмыков, оказавшихся во Франции, в городской пролетариат. Переход с сельского способа жизни к городскому был совершен в начале их изгнания в Болгарии», где калмыки работали на разных работах: «на стройках, заводах, у дрогалей¹⁵, у сельских хозяев, на шахтах; иные торгуют, кое-кто извозничает, а женщины шьют и шьют» [Гучинова 2004: 49]. Таким образом, и в этой стране, помимо неквалифицированного труда на стройках и заводах, калмыки занимались ломовым извозом самостоятельно либо в качестве помощников у местных извозчиков, а женщины активно занимались своим традиционным занятием — шитьем. Во Франции сложилась постепенно калмыцкая колония, которая была описана уже в 1960-х гг. Ф. Обэн [Aubin 1966]. После своего появления во Франции калмыки были заняты в металлургической и горнодобывающей промышленности или в доках, затем беженцы стали переселяться внутри страны, большая часть калмыков осела в Париже и Лионе, где они работали на автомобильном заводе, шелковых фабриках. «Как отмечала с удивлением Ф. Обэн, практически не было калмыков, которые бы вернулись, хотя бы частично, к сельскохозяйственному труду, будь то в качестве сельскохозяйственных рабочих или же для дополнительного заработка в свободное время. Исследовательнице были известны единичные случаи, когда несколько молодых холостяков без особой к тому охоты нанимались сезонными рабочими на ферму или же когда две-три семьи занимались в небольших размерах разведе-

¹⁵ Дрогаль — ломовой извозчик, занимавшийся перевозкой тяжелых грузов.

нием скота. Но и то их к этому, скорее всего, вынудила война, как, впрочем, и многих французов» [Гучинова 2004: 57]. Однако, как показывает пример Сербии, кочевники-скотоводы, расселявшиеся в эмиграции в сельской местности, как правило, не могли составить достаточный капитал для создания собственного хозяйства и были вынуждены, так же как и в городе, заниматься наемным трудом. В этих условиях «французские» калмыки на первом этапе расселялись в промышленных центрах, в том числе в городах Лотарингии — основной железнорудной и металлургической базе страны. Последовавшие перегруппировки калмыков-эмигрантов в начале 1930-х гг. были, несомненно, связаны с наступлением экономического кризиса, который достиг этой страны чуть позже, чем другие европейские страны: в 1920-х гг. Франция осуществляла крупную инвестиционную компанию, что определило развитие металлургической, машиностроительной и военной промышленности. Вступление этой страны в полосу кризиса определило и расселение новоприбывших мигрантов в крупных городах, где возможно было трудоустроиться и найти группе экономическую нишу. Но примечательно, что и во Франции постепенно изменилась структура занятости, после Второй мировой войны «произошел сдвиг в сторону сектора, который считался наиболее прибыльным: пошив одежды. Начиная с 1945 г. значительное число молодых калмыков, по меньшей мере, человек тридцать, оставили свои первоначальные занятия и занялись швейным и портняжным делом. Калмыки, которых Обэн просила назвать характерные черты своего народа, не преминули назвать особую склонность к шитью. Возможно, изменения в структуре занятости были спонтанной и неосознанной попыткой приспособить традиционные вкусы к новому способу жизни» [Гучинова 2004: 59].

Таким образом, материалы по истории группы калмыков-эмигрантов первой волны показывают стратегии выживания в новой для них этнокультурной и экономической среде. Начиная с характерных для их кочевнического прошлого кибиток (юрт), которые являлись курьезной достопримечательностью Белграда в 1920-х гг., приобретая опыт сельской жизни в разных странах, калмыки показали опыт наиболее успешной адаптации в первом десятилетии

жизни в эмиграции в Югославии, где их колония являлась наиболее многочисленной, а реалии окружающей действительности позволяли содержать в хозяйстве лошадей и использовать их в занятиях ломовым извозом и перевозкой пассажиров в городских экипажах. Во всех странах, где расселились калмыки-эмигранты, домашнее ремесло кочевников-скотоводов, которым владели традиционно женщины, стало одним из главных их занятий, и в городских условиях кройка и шитье стали впоследствии прибыльным делом. Даже в 1990 г., когда впервые в Калмыкию прибыли французские сородичи, среди них были представители портняжного дела, владевшие собственной мастерской.

По мнению О. А. Ефремова, в развитии предпринимательства немаловажную роль играет национальная хозяйственная ментальность, в которой проявляется этническое через сформировавшиеся стереотипы хозяйственного поведения, что влияет на способы деятельности. При этом на ранних этапах сложения предпринимательства реализуются «стереотипы хозяйственного поведения, сложившиеся в предшествующие эпохи. Однако далеко не все из этих стереотипов жизнеспособны в новых условиях. Некоторые приживаются хорошо, облегчая «освоение» предпринимательства общественной средой и делая его более эффективным; другие могут быть относительно нейтральны и сообщают предпринимательству не опасный, но и не «полезный» национальный колорит; третьи могут противоречить императивам предпринимательской деятельности, что неизбежно обрачивается конфликтами как социальными, так и внутриличностными» [Ефремов 2011: 91]. Опыт адаптации калмыков-эмигрантов в европейской среде в 1920–1930-х гг. показывает, как в стратегиях выживания использовался хозяйственный опыт скотоводов и их практики, не оказавшиеся достаточно востребованными в сельской местности европейских стран периода кризиса, но нашедшие более широкое применение в городских условиях.

Являлись ли занятия извозом и портняжным делом компактно расселенных в Белграде, организованных в колонию калмыков этнически-специфическими или они лишь отражают экономический выбор поведения мигрантов? Этот вопрос важен

в теоретическом аспекте: ученые дискутируют по проблеме определения понятий этнического предпринимательства и экономических моделей поведения, и отдельные исследователи считают, что «более продуктивно не присваивать маркер „этнического предпринимательства“, как, впрочем, и не отвергать априори „этничность“, а основной упор делать на изучении рациональных стратегий поведения людей, использующих или не использующих ресурс этничности [Рыжова 2008]. На наш взгляд, экономический выбор калмыков был обусловлен их основными хозяйственными занятиями, которые и предопределили успешность двух видов деятельности среди них. Однако в этом проявлялось и этническое: «калмык без коня — не настоящий калмык», «особая склонность к шитью» как национальная черта — эти утверждения связаны как со скотоводческими практиками, так и с этническим менталитетом, этническими характеристиками.

Этническое предпринимательство в группах мигрантов, как правило, связано с формированием группы и ее внутренних связей. Судьбы российских эмигрантов сложились по-разному в европейских странах. Но наиболее крупная колония калмыков — в Сербии — показывает, что этнический характер предпринимательства тех представителей, которые оказались наиболее успешными и получали достаточную прибыль, сочетался с консолидацией группы, которая в общественной жизни проявилась в не имеющем аналогов факте строительства и функционирования в Белграде буддийского храма, явившемся центром религиозной, культурной и национальной жизни калмыков-эмигрантов, о которых знали не только в Европе, но и в странах Азии [Иноуэ 2017: 201–203]. Необходимо отметить, что первый этап в жизни калмыцкой эмиграции характеризуется сложением «межстрановой» группы благодаря деятельности Комиссии калмыцких культурных работников, изданию журналов и других публикаций¹⁶ в двух основных центрах калмыков-эмигрантов — Белграде и Праге.

¹⁶ Публикация Э. Хара-Даваном книги о Чингис-хане в 1929 г. была вскоре переведена на японский язык [Юкиясу 2012] и обсуждалась в связи с особым мнением отдельных калмыков [Миленкович 2012: 43–54].

И. И. Кротт, проанализировав ситуацию с немецкими этническими предпринимателями в Сибири в конце XIX – начале XX в., пришел к выводу, что «выжить в новой этнокультурной и экономической среде, в рамках которой распределены рыночные ниши, было возможно только благодаря совместным усилиям. Принимающее общество изначально обращалось к “чужакам”-мигрантам как к группе, и они должны были этому соответствовать» [Кротт 2010: 114]. Не обсуждая концепцию «чужака» по отношению к этническим предпринимателям, отметим: хронологически сопоставимые калмыцкие материалы позволяют сделать вывод о том, что образование группы (внутри более крупной группы русских эмигрантов) и формирование общественных движений и институтов способствовало развитию этнического предпринимательства. При этом, несмотря на территориально обособленное расселение, калмыки посещали друг друга как новом месте поселения, так и в разных странах. Более того, известен факт посещения калмыков принцессой Нирджидмой — потомком правителя волжских калмыков Хо-Урлюка по линии Шукур-Дайчина и Бамбара, дочь синецзянского князя Палта-вана — калмыцкой колонии в Европе, который ими был воспринят как «факт установления духовной связи с братьями по крови» [Принцесса Нирджидма 2009: 9–10; Илишкин 1996: 29–32].

Калмыки-эмигранты нашли свою нишу в экономике принимающего общества, причем консолидация происходила, прежде всего, в социокультурной сфере, а традиционные занятия определили наиболее востребованные сферы трудоустройства: извоз и шитье.

С кардинальными переменами в российском обществе в конце XX в. общественность Республики Калмыкия открыла для себя сведения о близкородственных ойратских народах, расселенных как в Монголии и КНР, так и в других странах [Илишкин 1996; и др.]. Особый интерес в республике проявлялся в отношении потомков калмыков, которые откочевали в XVIII в. на восток и оказались расселены в пределах Китая. Благодаря публикации Н. У. Илишкина стали известны слова принцессы Сувсы, дочери прямого потомка калмыцких ханов Манцк Джаба: «Несмотря на то, что мы живем в разных государствах, мы с Вами люди

одной национальности, одного и того же корня, от одних и тех же предков». Идея активизации процессов возрождения культуры путем переселения группы синецзянских калмыков витала в обществе в 1990-х гг., когда в Калмыкию переселились несколько десятков семей из СУАР КНР. В 2006 г. главой республики К. Н. Илюмжиновым было внесено предложение о переселении соотечественников [Кирсан Илюмжинов зачитал...] из КНР — в соответствии с Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. N 637 и утвержденной этим указом Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Указ Президента РФ], одной из целей которой постулировалось наряду с переселением соотечественников и решением демографических проблем «содействие социально-экономическому развитию регионов» [Указ Президента РФ]. Так и не реализованная программа переселения 10 тыс. соотечественников из Синецзяна отдельными деятелями была рассмотрена как проявление пан-монголизма [Серенко 2007].

Тем не менее, идея приглашения ойратов-кочевников для оказания помощи в возрождении утраченных традиций (как хозяйственных, так и культурных) остается актуальной до настоящего времени. В начале 2010-х гг. опыт реализации этой идеи предложили руководители племзавода «Кировский» Яшкульского района РК, среди основных направлений работы которого — не только выращивание племенного поголовья овец, крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, но и селекционно-племенная работа. Особое значение в хозяйстве придают разведению и селекционной работе с верблюдами самой крупной и одновременно самой малочисленной породы в мире — «калмыцкий бактриан», которые отличаются большой тягловой силой, высокой ходовой скоростью и хорошей шерстной продуктивностью.

В хозяйстве, располагающем большим поголовьем животных (по данным на 2012 г. — 60 тыс. овец калмыцкой и грозненской пород, около 3 тыс. гол. крупного рогатого скота калмыцкой породы, тысячами лошадей и 200 верблюдами [Достижения калмыцких животноводов]) — на развитие верблюдоводства было обращено особое внимание.

Для восстановления поголовья калмыцких бактрианов в племзавод «Кировский» в августе 2012 г. прибыли несколько семей скотоводов из Убсунурского аймака Монголии, где основное население составляют ойраты, в том числе родственные калмыкам дербеты (всего численность дербетов в Монголии по переписи населения 2000 г. — 66 706 чел. [Сухбаатар 2008: 17], 2010 г. — 72 403 чел. [Хун ам, орон сууцны 2011: 54]). Как отмечалось в одной из публикаций, руководитель племзавода задался целью приглашения из Западной Монголии родственных калмыкам ойратов для возрождения пастбищного животноводства и обучения молодежи традиционным навыкам и приемам — прежде всего в выращивании верблюдов, лошадей, коз. Поэтому «особым трендом» Кировского племзавода стали животноводческие бригады, состоящие из представителей Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая: «Вначале два-три года наши соплеменники из братской Монголии и Синьцзяна живут рядом с нашими животноводами. Получается взаимообогащение, каждый учится новому. Потом создаем бригаду, и они работают самостоятельно» [Амтеев 2016]. В 2013 г. члены научной экспедиции¹⁷ в Убсунурский аймак встретились на границе между Монголией и Россией с несколькими семьями переселенцев, которые последовали в Калмыкию вслед за первыми предпринимателями — для их транспортировки были специально выделены спецтранспорт типа КамАЗов. Для кочевников-скотоводов переселение в Калмыкию не представляло сложностей, так как кочевое жилище и утварь («свой дом») благодаря руководству племзавода они привезли с собой, а время в пути от родного сомона в Убсунурском аймаке Монголии до Яшкульского района Калмыкии заняло пять дней, что переселенцами оценивалось как недалёкая дорога [Мельников 2015].

В предприятии, пригласившем в Калмыкию скотоводов, миссия переселенцев рассматривалась как попытка заполнить экономическую нишу («им предстоит ответственная миссия — разведение скакунов калмыцкой породы и двугорбых верблюдов» [Арстанова, Очиров 2013]), которая

постепенно освобождается вследствие урбанизации и стремления молодежи освоить иные профессии [Арстанова, Очиров 2013; Амтеев 2016; Мельников 2015; Монголы в калмыцкой степи 2017]. В отдельных публикациях животноводов именовали гастарбайтерами [Мельников 2015]. На наш взгляд, опыт работы животноводов — монгольских ойратов можно рассматривать как пример этнического предпринимательства первого этапа — адаптационного.

Как отмечает С. В. Рязанцев, анализируя этническое предпринимательство в среде мигрантов в связи с их социально-экономической адаптацией, следует выделить три стадии: первая характеризуется консолидацией этнической группы, вторая — расцветом этнического предпринимательства и бурным развитием скрытого потенциала, освоением свободных экономических ниш, третья — когда происходит «стабилизация» положения этнических предпринимателей, которую можно назвать эффектом «привыкания» коренного населения к вчерашним мигрантам» [Рязанцев 2000: 75–77].

Особенностью группы мигрантов-ойратов в Калмыкии явилась общность языка и культуры, которая позволяла легко адаптироваться в принимающем обществе. Вместе с тем условия жизни вновь прибывших, по их словам, отличались от монгольских, поскольку многие вопросы быта животноводов (обеспечение топливом, водой, решение вопросов обучения детей в школе-интернате) решались руководством племзавода «Кировский». В беседах с местными жителями, исследователями, а также в интервью с журналистами ойраты подчеркивали, что необычно тёплый для них климат¹⁸, организационная помощь делала привычную для них работу намного более легкой, а общность языка позволяла не испытывать особых проблем в общении. «...приехали — а тут такие же люди, как мы. Такие же лица, такой же язык. И работы не так много. Дома надо было постоянно работать, а здесь у нас даже есть время, когда можно ничего не делать» [Агарков 2014].

Переселение представителей одной этнической группы и интерес со стороны принимающего сообщества исключили необхо-

¹⁷ В составе научной экспедиции, посвященной 130-летию известного монголоведа А. Бурдукова, были ученые из российских республик Калмыкии, Тувы, а также Монголии и КНР.

¹⁸ В Убсунурском аймаке Монголии средняя температура в январе — минус 20–32 градуса, максимум зимней температуры может достигать минус 50 градусов.

димось преодоления границ между мигрантами и окружающим населением — многие калмыки посещали переселенцев, стремясь установить родство «по кости». Для принимающей стороны важной составляющей явились скотоводческие практики и опыт в верблюдоводстве, который могли передать мигранты, а для вновь прибывающих ойратов Монголии главными аргументами являлись возможность хорошего заработка (особенно при курсе рубля до конца 2014 г.), знакомства с родственной культурой калмыков, а также обучения детей русскому языку: «Получать на родине, как в Калмыкии, по 500 долларов в месяц для простого монгольского животновода практически нереально. Но даже после обвала рубля оплата труда в Калмыкии осталась для иностранных кочевников-животноводов вполне конкурентоспособной. Впрочем, монгольские степи на калмыцкие они меняют не только и уже, пожалуй, не столько ради зарплаты» [Мельников 2015]. В российской, в том числе калмыцкой, прессе, вновь прибывших мигрантов чаще называют «монголами», однако их этническая идентификация — дербеты — еще более близка калмыкам: их предки — средневековые ойраты, потому язык и культура монгольских дербетов и российских калмыков сходны. Общность языка и культуры — аргументы, которые способствовали появлению монгольских скотоводов в Калмыкии, где их дети не только смогут освоить русский язык, но и получить образование, в том числе высшее в Институте калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, что весьма важно для жизненных стратегий молодого поколения.

Однако при сходстве языка и культуры, этногенетической общности ойраты Монголии не могут быть отнесены к соотечественникам согласно Федеральному закону №99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (от 24.05.1999) [Федеральный закон № 99-ФЗ], в отличие от большей части ойратов СУАР КНР, чьи предки мигрировали из России в XVIII в. Это означает, что в решении вопроса о постепенном укоренении мигрантов данный закон не может быть применен. С 2015 г. между Россией и Монголией действует безвизовый режим. Оформление же трудовых

отношений с мигрантами в Российской Федерации строго регламентировано. Согласно Федеральному закону № 357-ФЗ от 24 ноября 2014 г. введено понятие патента на работу, получение которого иностранным гражданином предполагает не только предоставление пакета документов, но также прохождение теста на знание государственного (русского) языка Российской Федерации [Федеральный закон №357-ФЗ]. Нововведения в законодательстве, появившиеся к концу срока контракта трудовых мигрантов, не способствовали их продлению. Вместе с тем, пребывание ойратов в Калмыкии было неожиданно для них осложнено активизацией территориального спора между республикой и Астраханской областью [Белоусов 2008], в который оказались замешаны ойраты, поселенные согласно договору аренды на землях, являющихся предметом спора [На чьей земле рождаются сайгаки?; С калмыцкими монголами...; Рейдерский захват]. В связи с вышеизложенными обстоятельствами переход группы ко второй стадии этнического предпринимательства оказался осложненным.

Ойратские скотоводы, выступив в качестве этнических предпринимателей, приглашены были для занятия ими пустующей хозяйственной ниши — занятиями, в основном, верблюдоводством, при этом характерно, что характер занятий мигрантов полностью был связан с их традиционным хозяйством, а понятие «дома мигранта» обрело особые смыслы: земля Калмыкии воспринимается ойратами Монголии как земля «ближайших родственников» (как поется в известной современной песне «Төрмүд мини», «имевшие один язык, [выросшие] в одной колыбели»), «дом» кочевника же был привезен скотоводами в буквальном смысле с собой, и лишь «родное кочевье» оставлено ими в родных просторах. Условия, созданные для группы мигрантов, являлись благоприятными для их консолидации и реализации стратегий этнического предпринимательства. Однако потребности в профессиональной рабочей силе и свободная экономическая ниша в настоящее время оказались недостаточными для обеспечения полноты условий в принимающем обществе. Тем не менее, опыт адаптационного периода представителями этнической группы пройден, и вероятность развития этнического предпринимательства, связанного со скотоводческими практиками, все еще имеется.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00407/17-ОГОН.

Источники и литература

- Авшеев Э. Ю.* Влияние миграционных процессов на состояние преступности в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 1. С. 110–113.
- Агарков А.* Друзья степей (26.04.2014) [электронный ресурс] // URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1518098> (дата обращения: 01.04.2017).
- Амтеев Б.* Сохранить достояние предков // Хальмг үнн. 18 февраля 2016. [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/2980-sohranit-dostoyanie-predkov.html> (дата обращения: 01.04.2017)
- Арстанова С., Очиров С.* Как живут монголы в степях Калмыкии?. 04 января 2013 [электронный ресурс] // URL: <http://vesti-kalmykia.ru/society/6156-kak-zhivut-mongoly-v-stepyah-kalmykii.html> (дата обращения: 01.04.2017).
- Атаева Л. М.* Традиционные и инновационные направления развития этнического предпринимательства // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 9. С. 51–55.
- Бадмаева Н. В.* Представления населения Республики Калмыкия о мигрантах и вопросы формирования толерантного отношения к ним // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 30–32.
- Бадмаева Н. В.* Мигранты и принимающее общество: оценка экспертов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 105–107.
- Бакаева Э. П.* К сравнительно-сопоставительному изучению традиционной культуры ойратов и калмыков: о происхождении и бытовании войлочных сапог типа «тооку» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 91–97.
- Балыков С. Б.* Девичья честь. Историко-бытовая повесть. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.
- Баранова В. В.* Невидимая миграция: путешествие из Калмыкии в Москву // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 89–97.
- Белоусов С. С.* Международные миграции в Калмыкии (1992–2005 гг.) // Современные историко-правовые и экономические исследования. Элиста: КФ МАЭП, 2008а. С. 78–90.
- Белоусов С. С.* Миграции турок-месхетинцев в Калмыкию и их отношения с местным населением // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая: Мат-лы Междунар. науч. конф. Элиста: КалмНЦ РАН, 2008б. С. 106–110.
- Белоусов С. С.* О проблеме возвращения в пользование Республики Калмыкия земель, временно используемых хозяйствующими субъектами Астраханской области и Республики Дагестан // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 22–27.
- Борисенко И. В., Горяев А. Т.* Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста: АПП «Джангар», 1998. 236 с.
- Бредникова О., Паченков О.* Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2000. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Воронков 2009 — Воронков В.* Существует ли этническая экономика? [электронный ресурс] // URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_voronkov.htm (дата обращения 05.04.2017).
- Гунаев Е. А.* Внешняя миграция в Республике Калмыкия в современный период // Монголоведение: сб. науч. труд. Элиста: КИГИ РАН, 2013. Вып. 6. С. 206–212.
- Гучинова Э.-Б. М.* Улица “Kalmyk Road”. История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетей, 2004. 340 с.
- Деев С. Ю.* Динамика миграционных процессов в Калмыкии (постсоветский период). // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2010. № 1 (20). С. 124–130.
- Достижения калмыцких животноводов оценили по достоинству (22.10.2012)* [электронный ресурс] // URL: <https://vkalmykii.com/dostizheniya-kalmyckix-zhivotnovodov-ocenili-po-dostoinstvu> (дата обращения: 01.04.2017).
- Дятлов В. И.* «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 103–119.
- Дятлов В.И., Григоричев К.В.* Тема номера. Этничность в городском пространстве: от советского к постсоветскому // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 5–7.
- Ефремов О. А.* Современное российское предпринимательство: проблема этнических особенностей // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 4 (№№ 67–68). С. 90–93.

- Илишкин Н. У.* Сородичи с разных континентов. Ойрат-калмыцкое зарубежье. Элиста: Джангар, 1996. 96 с.
- Иноуэ Т.* Документы о буддийском калмыцком храме в Белграде из архива МИД Японии // Великая Российская революция в судьбах народов Юга России. Мат-лы Всероссийской науч. конф. (с международным участием), посвящ. 100-летию революции 1917 г. (г. Элиста, 13–14 сент. 2017 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. С. 201–203.
- Кирсан Илюмжинов затеял великое переселение (03.04.2006) [электронный ресурс] // URL: <https://iz.ru/news/312568> (дата обращения: 01.04.2017).
- Кротт И. И.* Сибирский социум в конце XIX – начале XX в.: социальные основания и мотивация развития этнического предпринимательства // Вестник Томского государственного университета. 2010. №1 (9). С. 110–117.
- Мельников 2015 — *Мельников Р.* Песня Окына. Зачем монголу калмыцкая степь? (11.06.2015) // Российская газета — Неделя — Юг России. № 6697 [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2015/06/11/reg-ufu/mongol.html> (дата обращения: 01.04.2017).
- Миленкович Т.* Калмици у Србији. 1920–1944. Београд: Трасо, 1998. 246 с.
- Миленкович Т.* Калмици у Београду од 1920–1941 године // Годишњак града Београда. 1995. Књ. XLII. С. 139–155.
- Миленкович Т.* О докторе Эренжене Хара-Даване // Эренжен Хара-Даван и его наследие. / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Изд. Дом «Герел», 2012. С. 43–54.
- Миленкович Т.* Степь поменяли на луг // Известия Калмыкии. 1997. 27 дек. С. 11.
- Миленкович Т.* Степь поменяли на луг (продолжение) // Известия Калмыкии. 1998в. 23 янв. С. 2.
- Миленкович Т.* Степь поменяли на луг (продолжение) // Известия Калмыкии. 1998б. 24 янв. С. 11.
- Миленкович Т.* Степь поменяли на луг (окончание) // Известия Калмыкии. 1998в. 27 января. С. 2.
- Мищук С. Н.* Мигранты и принимающее общество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). Биробиджан: Изд-во ИКАРП ДВО РАН, 2014. 218 с.
- Монголы в калмыцкой степи (29.04.2017) [электронный ресурс] // URL: <http://shandi1.livejournal.com/316732.html> (дата обращения: 01.04.2017).
- На чьей земле рождаются сайгаки? В заказнике «Степной» произошёл пограничный инцидент (30.08.2013) [электронный ресурс] // URL: <http://strana.ru/journal/news/23202710> (дата обращения: 01.04.2017).
- Намруева Л. В.* Влияние миграции на этноструктурное развитие сельских территорий Республики Калмыкия в 2010-е гг. // Новые исследования Тувы. 2015. № 3 (27). С. 7.
- Намруева Л. В.* Миграционные установки молодежи Калмыкии // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 2 (18). С. 64–70.
- Намруева Л. В.* Миграция сельского населения как следствие трансформации крестьянского сознания (на примере Республики Калмыкия) // Великие евразийские миграции: мат-лы Междунар. науч. конф., Элиста: КалмГУ, 2016. С. 392–397.
- Нестерова Е. И.* Этническое предпринимательство во Владивостоке (конец XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 67–83.
- Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.
- Принцесса Нирджидма и книга песен торгутов Китая / автор-сост. П. Э. Алексеева. НПП «Джангар», 2009. 87 с.
- Рейдерский захват государственного заказника Степной [электронный ресурс] // URL: vnn1977.livejournal.com/881211.html (дата обращения: 01.04.2017).
- Решетников Л.* Русский Лемнос: исторический очерк. М.: Новоспасск. монастырь, 2009. 112 с.
- Рыжова Н. П.* Феномен этнического предпринимательства: западная традиция и российское прочтение // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3 [электронный ресурс] // URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/articlefull.php?aid=77> (дата обращения: 01.04.2017).
- Рязанцев С. В.* Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 73–86.
- С калмыцкими монголами на земле астраханского госзаказника разберутся в суде (11.09.2013) [электронный ресурс] // URL: <http://archive.kaspyinfo.ru/?p=10811> (дата обращения: 01.04.2017).
- Садовой А. Н., Белозерова М. В.* Индикаторы мониторинга реализации стратегии государственной национальной политики Рос-

- сийской Федерации: модели традиционного жизнеобеспечения и этническое предпринимательство // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 296–312.
- Самарина Е. Л. Типы стратегий адаптации этнических предпринимателей на примере латиноамериканской группы в современной России // Научное мнение. 2014. № 5. С. 181–186.
- Санглибаев А. Этническое предпринимательство как конфликтогенный фактор // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6. Вып. 1. С. 181–187.
- Серенко А. Илюмжинов увлекся панмонголизмом (12.04.2007) [электронный ресурс] // http://www.ng.ru/politics/2007-04-12/3_kartblansh.html (дата обращения: 01.04.2017).
- Сүхбаатар На. Ойраты Монголии и проблемы изучения их истории // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 16–19.
- Топалова Д. Ю. К вопросу о репатриации калмыков-эмигрантов в 1930 гг. XX в. // Монголоведение. Вып. 10. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 60–75.
- Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» [электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/189653/#ixzz4zRhdZRrg> (дата обращения: 01.04.2017).
- Федеральный закон № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (24.11.2014) [электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70804216/> (дата обращения: 01.04.2017).
- Федеральный закон № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (24.05.1999) [электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 01.04.2017).
- Хара-Даван Э. Калмыки в Югославии // Эренжен Хара-Даван и его наследие. / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Изд. дом «Герел», 2012. 350 с.
- Хун ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого: нэгдсэн дүн. Улаанбаатар, 2011. 274 с.
- Шишлина 2009 — Шишлина Н. И. Заметки о характере скотоводческого хозяйства в современной республике Калмыкия [электронный ресурс] // URL: http://sarkel.ru/istoriya/ni_shishlina_zametki_o_haraktere_skotovodcheskogo_hozyajstva_v_sovremennoj_respublike_kalmykiya/ (дата обращения: 01.04.2017).
- Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.
- Юкиясу Араи. К истории японского перевода книги Э. Хара-Давана // Эренжен Хара-Даван и его наследие. / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Издат. дом «Герел», 2012. С. 41–43.
- Эльдяева Н. А., Джамбинова Е. С., Мучкаев Д. М. Анализ внутренней трудовой миграции населения региона // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 9–2. С. 115–120.
- Aubin F. Une société d'émigrés : la colonie des Kalmouks de France // L'année sociologique. 1966. Vol. 17. P. 133–212.

Sources and references

- Avsheev E. Yu. *Vliyanie migratsionnykh protsessov na sostoyanie prestupnosti v Respublike Kalmykiya* [Influence of migratory processes on the crime condition in the Republic of Kalmykia]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2012, No. 1, pp. 110–113 (In Russ.).
- Agarkov A. *Druz'ya stepey* [Friends of the Steppe]. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1518098>. 26 April 2014 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Amteev B. *Sokhranit' dostoyanie predkov* [To preserve the ancestral heritage]. *Khal'mg ünn* (Kalmyk Truth newspaper). <http://halmgynn.ru/2980-sohranit-dostoyanie-predkov.html>. 18 February 2016 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Arstanova S., Ochirov S. *Kak zhivut mongoly v stepyakh Kalmykii?* [How do Mongols live in the Kalmyk Steppe?]. Available at: <http://vesti-kalmykia.ru/society/6156-kak-zhivut-mongoly-v-stepyah-kalmykii.html>. 4 January 2013 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Ataeva L. M. *Traditsionnye i innovatsionnye napravleniya razvitiya etnicheskogo predprinimatel'stva* [Ethnic entrepreneurship: traditional and innovative development trends]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* (Regional Economics: Theory and Practice), 2012, No. 9, pp. 51–55 (In Russ.).
- Badmaeva N. V. *Predstavleniya naseleniya Respubliki Kalmykiya o migrantakh i voprosy formirovaniya tolerantnoy otnocheniya k nim*

- [The population of the Republic of Kalmykia: beliefs about immigrants and development of tolerant attitudes towards them]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* (Scientific Thought of Caucasus journal), 2011, No. 1–2 (65), pp. 30–32 (In Russ.).
- Badmaeva N. V. *Migranty i prinyimayushchee obshchestvo: otsenka ekspertov* [Migrants and the host society: the score given by experts]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), Elista, 2012, No. 3, pp. 105–107 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *K sravnitel'no-sopostavitel'nomu izucheniyu traditsionnoy kul'tury oyratov i kalmykov: o proiskhozhdenii i bytovanii voylochnykh sapog tipa «tooku»* [To the comparative study of the Oirat and Kalmyk traditional culture: the origin and existence of the felt type boots 'tohoku']. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015, No. 2, pp. 91–97 (In Russ.).
- Balykov S. B. *Devich'ya chest'. Istoriko-bytovaya povest'* [The maiden's honor. A historical / household novel]. Elista, Dzhangar Publ., 1993, 284 p. (In Russ.).
- Baranova V. V. *Nevidimaya migratsiya: puteshestvie iz Kalmykii v Moskvu* [The invisible migration: journey from Kalmykia to Moscow]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2016, No. 2, pp. 89–97 (In Russ.).
- Belousov S. S. *Mezhdunarodnye migratsii v Kalmykii (1992–2005 g.g.)* [International labor migration to Kalmykia (1992–2005)]. *Sovremennye istoriko-pravovye i ekonomicheskie issledovaniya* (Contemporary Historical, Legal and Economic Studies). Elista, 2008a, pp. 78–90 (In Russ.).
- Belousov S. S. *Migratsii turok-meskhentsev v Kalmykiyu i ikh otnosheniya s mestnym naseleniem* [Migrations of Meskhetian Turks to Kalmykia and their relations with the local population]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Oirats and Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China. Proc. of the Internat. research conf.]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008b, pp. 106–110 (In Russ.).
- Belousov S. S. *O probleme vozvrashcheniya v pol'zovanie Respubliki Kalmykiya zemel', vremenno ispol'zuemykh khozyaystvuyushchimi sub'ektami Astrakhanskoj oblasti i Respubliki Dagestan* [Revisiting the issue of returning Kalmykia's lands temporarily used by economic entities of Astrakhan Oblast and the Republic of Dagestan]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2009, No. 1, pp. 22–27 (In Russ.).
- Borisenko I. V., Goryaev A. T. *Ocherki istorii kalmytskoy emigratsii* [Sketches on the history of the Kalmyk expatriate community]. Elista, Dzhangar Publ., 1998, 236 p. (In Russ.).
- Brednikova O., Pachenkov O. *Etnichnost' «etnicheskoy ekonomiki» i sotsial'nye seti migrantov* [Ethnicity of the 'ethnic economy' and migrant social networks]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* (Economic Sociology journal), 2000, vol. 3, No. 2, pp. 74–81 (In Russ.).
- Voronkov V. *Sushchestvuet li etnicheskaya ekonomika?* [Is there any ethnic economy?]. Available at: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_voronkov.htm (accessed: 5 April 2017) (In Russ.).
- Gunaev E. A. *Vneshnyaya migratsiya v Respublike Kalmykiya v sovremenny period* [External migration in the Republic of Kalmykia: the current period]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies), 2013, No. 6, pp. 206–212 (In Russ.).
- Guchinova E.-B. M. *Ulitsa "Kalmyk Road". Istoriya, kul'tura i identichnosti v kalmytskoy obshchine SShA* [Kalmyk Road. History, culture and identity of Kalmyks in the U.S.A.]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2004, 340 p. (In Russ.).
- Deev S. Yu. *Dinamika migratsionnykh protsessov v Kalmykii (postsovetskiy period)* [Dynamics of migration processes in Kalmykia: the post-Soviet period]. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy* (Bulletin of the Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories), 2010, No. 1 (20), pp. 124–130 (In Russ.).
- Dostizheniya kalmytskikh zhitovnovodov otsenili po dostoinstvu* [Achievements of Kalmyk livestock breeders appreciated decently]. Available at: <https://vkalmykii.com/dostizheniya-kalmyckix-zhitovnovodov-ocenili-podostoinstvu>. 22 October 2012 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Dyatlov V. I. *«Kitayskiy» rynek «Shankhay» v Irkutske: rol' v zhizni gorodskogo soobshchestva* [‘Chinese’ market ‘Shanghai’ in Irkutsk: its role in the urban community life]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* (The

- Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religion Studies'), 2014, vol. 10, pp. 103–119 (In Russ.).
- Dyatlov V.I., Grigorichev K.V. *Tema nomera. Etnichnost' v gorodskom prostranstve: ot sovetskogo k postsovetskomu* [Topic of the issue. Ethnicity in urban space: from Soviet to post-Soviet period]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* (The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religion Studies'), 2014, vol. 10, pp. 5–7 (In Russ.).
- Efremov O. A. *Sovremennoe rossiyskoe predprinimatel'stvo: problema etnicheskikh osobennostey* [Entrepreneurship in modern Russia: the issue of ethnic features]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* (Personality. Culture. Society), 2011, vol. XIII, iss. 4 (No. 67–68), pp. 90–93 (In Russ.).
- Ilishkin N. U. *Sorodichi s raznykh kontinentov. Oirat-kalmytskoe zarubezh'e* [Kinsmen from different continents. Oirat-Kalmyk communities abroad]. Elista, Dzhangar Publ., 1996, 96 p. (In Russ.).
- Inoue T. *Dokumenty o buddiyskom kalmytskom khrame v Belgrade iz arkhiva MID Yaponii* [Documents about the Kalmyk Buddhist temple in Belgrade discovered in the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of Japan]. *Velikaya Rossiyskaya revolyutsiya v sud'bach narodov Yuga Rossii. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoy 100-letiyu revolyutsii 1917 goda (g.Elista, 13–14 sentyabrya 2017 g.)* [The Great Russian Revolution in the Destinies of Southern Russia's Peoples. Proc. of the All-Russia research conf. (attended by foreign experts) celebrating the 100th anniversary of the Revolution of 1917 (Elista, 13-14 September 2017)]. Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2017, pp. 201–203 (In Russ.).
- Kirsan Ilyumzhinov zateyal velikoe pereselenie [Kirsan Ilyumzhinov initiated another 'great migration']. Available at: <https://iz.ru/news/312568>. 3 April 2006 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Krott I. I. *Sibirskiy sotsium v kontse XIX – nachale XX v.: sotsial'nye osnovaniya i motivatsiya razvitiya etnicheskogo predprinimatel'stva* [The population of Siberia in the late 19th–early 20th cc.: social grounds and motivation for the development of ethnic entrepreneurship]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* (Tomsk State University Journal), 2010, No.1 (9), pp. 110–117 (In Russ.).
- Melnikov R. *Pesnya Okyna. Zachem mongolu kalmytskaya step'?* [The aqyn's song. Why should a Mongol long for the Kalmyk Steppe?]. *Rossiyskaya gazeta – Nedelya – Yug Rossii* (Russian Gazette – Week – Southern Russia), No. 6697. Available at: <https://rg.ru/2015/06/11/reg-ufo/mongol.html>. 11 June 2015 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Milenkovich T. *Kalmitsi u Srbiji. 1920–1944* [Kalmyks in Serbia. 1920-1944]. Belgrade, Traco Publ., 1998, 246 p. (In Serb.).
- Milenkovich T. *Kalmitsi u Beogradu od 1920–1941 godine* [Kalmyks in Belgrade: 1920-1941]. *Godishn'ak irada Beoirada* [Yearbook of Belgrade]. 1995, book XLII, pp. 139–155 (In Serb.).
- Milenkovich T. *O doktore Erenzhene Khara-Davane* [About Dr. Erendzhen Khara-Davan]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie. / Sost. P. E. Alekseeva* [Erendzhen Khara-Davan and his heritage. Comp. by P. Alekseeva]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 43–54 (In Russ.).
- Milenkovich T. *Step' pomenyali na lug* [They changed steppes for meadows]. *Izvestiya Kalmykii* (News of Kalmykia), 1997, 27 December, p. 11 (In Russ.).
- Milenkovich T. *Step' pomenyali na lug (prodolzhenie)* [They changed steppes for meadows (a continuation of the article)]. *Izvestiya Kalmykii* (News of Kalmykia), 1998a, 23 January, p. 2 (In Russ.).
- Milenkovich T. *Step' pomenyali na lug (prodolzhenie)* [They changed steppes for meadows (a continuation of the article)]. *Izvestiya Kalmykii* (News of Kalmykia), 1998b, 24 January, p. 11 (In Russ.).
- Milenkovich T. *Step' pomenyali na lug (okonchanie)* [They changed steppes for meadows (the end)]. *Izvestiya Kalmykii* (News of Kalmykia), 1998c, 27 January, p. 2 (In Russ.).
- Mishchuk S. N. *Migranty i prinyimayushchee soobshchestvo: regional'nyy aspekt (na primere Dal'nego Vostoka Rossii)* [Migrants and host society: a regional aspect (evidence from Russia's Far East)]. Birobidzhan, ICARP (FEB RAS) Press, 2014, 218 p. (In Russ.).
- Mongoly v kalmytskoy stepi* [Mongols in the Kalmyk Steppe]. Available at: <http://shandi1.livejournal.com/316732.html>. 29 April 2017 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Na ch'ey zemle rozhdayutsya saygaki? V zakaznike «Stepnoy» proizoshel pogranychnyy intsident* [Who owns the lands that give birth to saiga antelopes? A border incident in Stepnoy

- Sanctuary]. Available at: <http://strana.ru/journal/news/23202710>. 30 August 2013 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Namrueva L. V. *Vliyanie migratsii na etnostrukturnoe razvitie sel'skikh territoriy Respubliki Kalmykiya v 2010-e gg.* [The impact of migration onto structure development of the Republic of Kalmykia in 2010-ies]. *Novye issledovaniya Tuvy* (The New Research of Tuva), 2015, No. 3 (27), p. 7 (In Russ.).
- Namrueva L. V. *Migratsionnye ustanovki molodezhi Kalmykii* [Migration-related attitudes of Kalmykia's youth]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* (Bulletin of the Kalmyk University), 2013, No. 2 (18), pp. 64–70 (In Russ.).
- Namrueva L. V. *Migratsiya sel'skogo naseleniya kak sledstvie transformatsii krest'yanskogo soznaniya (na primere Respubliki Kalmykiya)* [Migration of rural population resulting from transformations of peasant consciousness (evidence from the Republic of Kalmykia)]. *Velikie evraziyskie migratsii. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konf.* [The Great Migrations of Eurasia. Proc. of the Internat. research conf.]. Elista, Kalm. State University Press, 2016, pp. 392–397 (In Russ.).
- Nesterova E. I. *Etnicheskoe predprinimatel'stvo vo Vladivostoke (konets XIX – nachalo XX v.)* [Ethnic entrepreneurship in Vladivostok (late XIX-early XX centuries)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* (The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religion Studies'), 2014, vol. 10, pp. 67–83 (In Russ.).
- Ochirov U. B. *Kalmykiya v period Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.)* [Kalmykia during the Russian Civil War (1917-1920)]. Elista, Dzhangar Publ., 2006, 448 p. (In Russ.).
- Printsessa Nirdzhidma i kniga pesen torgutov Kitaya / Avtor-sost. P. E. Alekseeva* [Princess Nirjidma and the Book of Songs of China's Torgouts. Comp. by P. Alekseeva]. Elista, Dzhangar Publ., 2009, 87 p. (In Russ.).
- Reyderskiy zakhvat gosudarstvennogo zakaznika Stepnoy* [Stepnoy Sanctuary illegally seized]. Available at: vnn1977.livejournal.com/881211.html (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Reshetnikov L. *Russkiy Lemnos: istoricheskiy ocherk* [Russian Lemnos: a historical sketch]. Moscow, Novospassky Monastery Press, 2009, 112 p. (In Russ.).
- Ryzhova N. P. *Fenomen etnicheskogo predprinimatel'stva: zapadnaya traditsiya i rossiyskoe prochtenie* [The phenomenon of ethnic entrepreneurship: the western tradition and its Russian interpretation]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya* (New Russian Humanities Research journal), 2008, No. 3, p. 4 (In Russ.).
- Ryazantsev S. V. *Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak forma adaptatsii migrantov* [Ethnic entrepreneurship as a means to facilitate adaptation of migrants]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* (Social Sciences and Contemporary World), 2000, No.5, pp. 73–86 (In Russ.).
- S kalmytskimi mongolami na zemle astrakhanskogo goszakaznika razberutsya v sude* [The court shall consider the case of Kalmykia's Mongols residing in the lands of Astrakhan State Sanctuary]. Available at: <http://archive.kaspyinfo.ru/?p=10811>. 11 September 2013 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Sadovoy A. N., Belozeroва M. V. *Indikatory monitoringa realizatsii strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii: modeli traditsionnogo zhizneobespecheniya i etnicheskoe predprinimatel'stvo* [Indicators for monitoring the realization of strategy of Russian Federation state national policy: models of traditional life-support and ethnic entrepreneurship]. *Nauchnyy dialog* (Scientific Dialogue journal), 2016, No. 2 (50), pp. 296–312 (In Russ.).
- Samarina E. L. *Tipy strategiy adaptatsii etnicheskikh predprinimateley na primere latinoamerikanskoy gruppy v sovremennoy Rossii* [Types of strategies of ethnic entrepreneurs' adaptation – the case of Latin Americans in modern Russia]. *Nauchnoe mnenie* (The Scientific Opinion journal), 2014, No. 5, pp. 181–186 (In Russ.).
- Sanglibaev A. A. *Etnicheskoe predprinimatel'stvo kak konfliktogennyy faktor* [Ethnic entrepreneurship as a conflictogenic factor]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Vestnik of Saint Petersburg University), 2008, Series 6, iss. 1, pp. 181–187 (In Russ.).
- Serenko A. *Ilyumzhinov uvleksya panmongolizmom* [Ilyumzhinov went in for Pan-Mongolism]. Available at: http://www.ng.ru/politics/2007-04-12/3_kartblansh.html. 12 April 2007 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Sukhbaatar Na. *Oyraty Mongolii i problemy izucheniya ikh istorii* [Oirats of Mongolia and related historical studies]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya. Ch. 1* [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia and China]. Elista, Kalmyk Institute

- for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 16–19 (In Russ.).
- Topalova D. Yu. *K voprosu o repatriatsii kalmykov-emigrantov v 20 30 gg. XX v.* [Revisiting the repatriation of Kalmyk emigrants in the 1920-30s]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies), iss. 10, Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016 (In Russ.).
- Ukaz Prezidenta RF ot 22 iyunya 2006 g. № 637 «O merakh po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom»* [Decree of the President of the Russian Federation of 22 June 2006 No. 637 'On Measures for the Facilitation of Voluntary Resettlement of Foreign Compatriots to the Russian Federation']. Available at: <http://base.garant.ru/189653/#ixzz4zRhZRRg> (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Federal'nyy zakon № 357-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O pravovom polozenii inostrannykh grazhdan v Rossiyskoy Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law No. 357-ФЗ 'On Amendments to the Federal Law 'On Legal Status of Foreign Nationals in the Russian Federation' and other Legislative Acts of the Russian Federation']. Available at: <http://base.garant.ru/70804216/>. 24 November 2014 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Federal'nyy zakon № 99-FZ «O gosudarstvennoy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom»* [Federal Law No. 99-ФЗ 'On State Policy of the Russian Federation towards Foreign Compatriots']. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. 24 May 1999 (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Khara-Davan E. *Kalmyki v Yugoslavii* [Kalmyks in Yugoslavia]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie / Sost. P. E. Alekseeva* [Erendzhen Khara-Davan and his heritage. Comp. by P. Alekseeva]. Elista, Gerel Publ., 2012, p. 168 (In Russ.).
- Khun am, oron suutsny 2010 ony ulsyn toollogo: negdesen dün* [2010 Population and Housing Census: summary information]. Ulaanbaatar, 2011, 274 p. (In Mong.).
- Shishlina N. I. *Zametki o kharaktere skotovodcheskogo khozyaystva v sovremennoy respublike Kalmykiya* [Notes about essential features of livestock breeding in present-day Kalmykia]. Available at: http://sarkel.ru/istoriya/ni_shishlina_zametki_o_haraktere_skotovodcheskogo_hozyajstva_v_sovremennoj_respublike_kalmykiya/ (accessed: 1 April 2017) (In Russ.).
- Shkarenkov L. K. *Agoniya beloy emigratsii* [The agony of the White emigration]. Moscow, Mysl Publ., 1986, 272 p. (In Russ.).
- Yukiyasu Arai. *K istorii yaponskogo perevoda knigi E. Khara-Davana* [About the Japanese translation of E. Khara-Davan's book]. *Erenzhen Khara-Davan i ego nasledie. / Sost. P. E. Alekseeva* [Erendzhen Khara-Davan and his heritage. Comp. by P. Alekseeva]. Elista, Gerel Publ., 2012, pp. 41–43 (In Russ.).
- Eldyaeva N. A., Dzhambinova E. S., Muchkaev D. M. *Analiz vnutrenney trudovoy migratsii naseleniya regiona* [Analysis of interregional labor migration]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* (Scholarly Notes of Russian State Social University), 2011, No. 9–2, pp. 115–120 (In Russ.).
- Aubin F. *Une société d'émigrés : la colonie des Kalmouks de France // L'année sociologique. 1966. Vol.17. P. 133–212.*

Скотоводческие традиции и этническое предпринимательство в Калмыкии: некоторые вопросы

Эльза Петровна Бакаева¹

¹доктор исторических наук, заместитель директора Калмыцкого научного центра РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bakaevaep@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов, связанных со скотоводческими традициями и современным этническим предпринимательством в Калмыкии. Автор анализирует опыт этнического предпринимательства в колонии калмыков-эмигрантов в европейских странах в 1920–1930-х гг. во взаимосвязи с традиционными ремеслами, которые являлись характерными для калмыков-скотоводов. Освещаются вопросы этнического предпринимательства мигрантов, занимавшихся в XXI в. на территории Калмыкии верблюдоводством, традиции которого были утрачены. Переселение представителей одной этнической группы и интерес со стороны принимающего сообщества исключили необходимость преодоления границ между мигрантами и окружающим населением — многие калмыки посещали переселенцев, стремясь установить родство «по кости». Для принимающей стороны важной составляющей явились скотоводческие практики и опыт в верблюдоводстве, который могли передать мигранты, а для вновь прибывающих ойратов Монголии главными аргументами являлись возможность хорошего заработка, знакомства с родственной культурой калмыков, а также обучения детей русскому языку. Традиционные занятия калмыков определили приоритетные направления этнического предпринимательства в первой трети XX в.; в современной же Республике Калмыкия востребован опыт кочевников, утраченный в советский период. Но потребности в профессиональной рабочей силе и свободная экономическая ниша в настоящее время не могут обеспечить достаточные условия в принимающем обществе.

Ключевые слова: скотоводство, ремесла, традиции, жизнеобеспечение, соотечественники, мигранты, принимающее общество, конфликт.